

**Международная безопасность
Нераспространение оружия массового уничтожения
Контроль над вооружениями**

**Журнал ПИР-Центра
политических исследований (Россия)**

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

№ 6

Ноябрь – Декабрь 1998

Том 42

Москва

Содержание

Страница редактора	3
Владимир Орлов. Диктаторские режимы, рвущиеся к обладанию ОМУ, не должны чувствовать себя безнаказанными	
Горячая тема	4
Александр Яковенко. О компьютерной проблеме 2000 года	
Информация и оценки (по материалам печати)	
Мир, Россия и проблема – 2000	6
В России. Из ядерного и ракетного досье	8
В России. Из досье по обычным вооружениям	24
В мире	26
Документы	
Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Программы развития атомной энергетики Российской Федерации на 1998–2005 годы и на период до 2010 года»	30
Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Устава о дисциплине работников организаций с особо опасным производством в области использования атомной энергии»	39
Интервью	42
Игорь Валынкин: «Мы сделаем все, чтобы новоземельское ЧП не повторилось»	
Обзор	44
Владимир Орлов. О некоторых особенностях позиции Израиля в вопросах нераспространения: заметки с конференции	
Полемика	63
Виктор Михайлов. К стратегической стабильности – через баланс силы и транспарентности	
Сообщения	
Николай Юрасов. О модернизации заправочных судов и хранилищ наземного базирования ВМФ России	66
О семинаре по вопросам деактивации	67
О международной конференции по нераспространению в Алма-Ате	68
Из редакционной почты	70
Библиотека	76
Новости ПИР-Центра	85
Summary	87
Об авторах	89
Содержание журнала <i>Ядерный Контроль</i> в 1998 году	90
Представительство ПИР-Центра в Интернет	92

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Международная безопасность. Нераспространение оружия массового уничтожения.
Контроль над вооружениями.

Журнал ПИР-Центра политических исследований (Россия)

№ 6 (Том 42)

Ноябрь – Декабрь 1998

Издается с ноября 1994 года

Выходит шесть раз в год

Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.

Редакция:

Владимир Орлов, главный редактор
Дмитрий Евстафьев, редактор-консультант
Карина Фуралева, помощник главного редактора
Евгений Маслин, консультант
Иван Сафранчук, обозреватель
Дмитрий Литовкин, специальный корреспондент
Алексей Рей, корреспондент
Мария Верникова, секретарь редакции

Татьяна Абрамова, корректор
Вячеслав Зайцев, бухгалтерия
Вадим Козюлин – связи с общественностью и подписка
Александр Панфилов – представитель в США
Елена Трофимова – компьютерное обеспечение
Наталья Харченко – распространение

Адрес для писем: Россия, 117454, Москва,

а/я 17, редакция *Ядерного Контроля*

Телефон редакции: +7-095-335-1955

(многоканальный)

Факс: +7-503-234-9558

Представительство в Интернет
и электронная версия журнала

(сокращенная): <http://www.pircenter.org>

Электронная почта:

info@pircenter.org (общие запросы)

orlov@pircenter.org (письма редактору)

library@pircenter.org (библиотека, базы данных
и архив)

Распространяется в Москве, Астане, Алма-Ате, Баку, Бишкеке, Вильнюсе, Душанбе, Ереване, Киеве, Минске, Риге, Таллинне, Ташкенте, Тбилиси, Архангельске, Брянске, Волгограде, Вольске, Воронеже, Дзержинском, Дмитровграде, Днепропетровске, Долгопрудном, Дубне, Екатеринбурге, Железногорске, Заречном, Ижевске, Иркутске, Казани, Камбарке, Кирове, Королеве, Краснообске, Красноярске, Кургане, Лесном, Миассе, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Новоуральске, Обнинске, Озерске, Пензе, Перми, Подольске, Реутове, Санкт-Петербурге, Саратове, Сарове, Северодвинске, Североуральске, Северске, Сергисовом Посаде, Снежинске, Трехгорном, Химках, Чапаевске, Челябинске, Шиханах, Щучьем, Электростали, Юбилейном, Ярославле, Атланте, Афинах, Бонне, Вашингтоне, Вене, Гарварде, Женеве, Лондоне, Лос-Аламосе, Кембридже, Монтерее, Нью-Йорке, Осло, Пекине, Принстоне, Санта-Монике, Сан-Франциско, Стокгольме, Токио и Франкфурте

Распространяется **бесплатно** для организаций и лиц в России, профессионально занимающихся проблематикой, освещаемой в журнале. Заявки следует направлять по указанному адресу или факсу на бланке организации. Бесплатная подписка ограничена. Подписку на 1999 год можно оформить в редакции, за наличный или безналичный расчет. Отдельные номера журнала можно приобрести там же. В розничную продажу не поступает. Тел. для справок: +7-095-335-1955. Subscription overseas (Russian and English editions): please, send requests to Vadim Koziulin +7-095-234-9558 (fax) or subscription@pircenter.org. Checks or wire transfers. Express mail delivery.

Тираж: 2000 экз.

Подписано в печать: 28 ноября 1998

Отпечатано в России

- Материалы «Ядерного Контроля» не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде, иначе как с письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения ПИР-Центра и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществлено благодаря поддержке Фонда Алтона Джонса, Фонда Джона Мерка, Фонда Макартуров, Фонда Форда, Центра по изучению проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований и др.

Издатель: ПИР-Центр политических исследований

Владимир А. Орлов, директор и член Совета

Владимир А. Мау, член Совета

Юрий Е. Федоров, член Совета

© ПИР-Центр, 1998

Обзор**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЗИЦИИ ИЗРАИЛЯ
В ВОПРОСАХ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ:
ЗАМЕТКИ С КОНФЕРЕНЦИИ****Владимир Орлов**главный редактор журнала *Ядерный Контроль*

Как уже сообщалось¹, в июне 1998 года в курортном местечке Херцлия под Тель-Авивом прошла международная конференция по вопросам международной безопасности, с акцентом на проблемы региона Ближнего Востока, прежде всего в том, что касается распространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки.

Эта конференция, в которой автору довелось принять участие, обернулась отнюдь не ординарным научным мероприятием; как представляется, она стоит того, чтобы сегодня рассказать о ней подробнее.

Конференция была проведена на неправительственном уровне, что не вполне типично для Израиля, где любые вопросы, связанные с обсуждением проблем ОМУ, строго регламентируются и контролируются государством. Организаторами конференции выступили Центр стратегических исследований им. Джаффэ Тель-Авивского университета (Jaffee Center for Strategic Studies of Tel Aviv University) и Центр науки и международных проблем Гарвардского университета (Belfer Center for Science and International Affairs at Harvard University). Как и гарвардский Центр, возглавляемый бывшим заместителем министра обороны США Грэмом Эллисоном², Центр им. Джаффэ широко известен специалистам. В этом году он отметил свое 20-летие³. Центр никогда не был частью израильских государственных структур и развивался как автономная структура в рамках Тель-Авивского университета, отчасти благодаря начальной поддержке, оказанной супругами Джаффэ, живущими в США⁴, отчасти благодаря благосклонности министерства обороны, но прежде всего – благодаря усилиям основателя Центра генерала Аарона Ярива. После его смерти в 1994 году Центр на время оказался ослаблен, пока в конце 1997 года в него не был приглашен в качестве директора д-р Шай Фельдман (Shai Feldman), на наш взгляд один из наиболее вдумчивых специалистов по проблемам ближневосточной безопасности и в особенности ее ядерно-оружейного аспекта⁵,

избегающий стереотипов и пытающийся искать ответы на те вопросы, которые официальный Тель-Авив вообще не относит к требующим обсуждения.

Хотя конференция не была инициирована израильскими властями, тем не менее интерес к ней оказался подчеркнуто высоким. На открытии присутствовал весь израильский военно-политический истеблишмент, представители различных государственных ведомств, ведущие военные аналитики, а также, по свидетельствам осведомленных израильских коллег, видные деятели разведсообщества страны (из *Моссад*, *Шабак* и *Аман*). Далее, часть иностранных участников конференции имела возможность встретиться с генеральным директором Комиссии по ядерной энергии Израиля Гидеоном Франком, помощником министра обороны Израиля по стратегическим вопросам генералом Давидом Иври, генеральным секретарем министерства обороны Израиля Иланом Бираном, советниками премьер-министра по внешнеполитическим вопросам, высокопоставленными сотрудниками МИД Израиля. Наконец, иностранных участников конференции в своей иерусалимской резиденции принял премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху, и беседа с ним продолжалась почти два часа.

В значительной мере название конференции и объявленная повестка дня, обещавшие обсуждение самого широкого круга проблем международной безопасности, с выходом на разговор о безопасности ближневосточной (включая, конечно, и вопросы арабо-израильского урегулирования), не соответствовали действительности. Реально почти все время конференции было посвящено обсуждению... России. Точнее говоря, вопросов экспортного контроля, прежде всего применительно к российско-иранскому сотрудничеству. Конечно, и до этой конференции было понятно, что Израиль придает большое значение прекращению любыми средствами программ своих соседей в области ОМУ и средств доставки, имея в виду

прежде всего пресечение любых попыток попадания в эти страны (Иран и Ирак, а также Сирию и Ливию) компонентов ОМУ и ракет, а также соответствующих технологий. Методы израильского руководства, включая активный сбор разведанных, в том числе и через своих *агентов влияния* в Европе и СНГ, распространение дезинформации, а также непрекращающееся лоббирование всякого рода санкций через конгрессменов на Капитолийском холме, не были большим секретом. Несмотря на это, степень озабоченности израильского руководства и части научного сообщества страны гипотетическими утечками ядерных материалов и ракетных компонентов в Иран, Ирак и т.п. стала почти откровением: иногда создавалось впечатление, что израильские участники конференции *зациклились* на российско-иранских отношениях и что у них нет иных тем для обсуждения по вопросам *региональной безопасности*, кроме как эта.

Нельзя было не отметить, что кампания обвинений в адрес России, которую проводили и израильские официальные лица, и многие неправительственные эксперты и к которой активно подключилась израильская пресса, лишь в незначительной степени основана на подтвержденных фактах, прежде всего на эмоциях и подозрениях. При этом надо отдать должное *дирижерам* этой многоцелевой политической PR-атаки: они смогли навязать российско-иранскую тему как одну из ключевых для обсуждения не только в средствах массовой информации, но и на Капитолии, а также, судя по всему, на уровне официальных двусторонних израильско-российских контактов. Как говорили мне осведомленные российские источники, израильским дипломатам, именно в результате такой массивной кампании, удалось убедить высокопоставленных российских представителей (в частности, тогдашних секретаря Совета безопасности Андрея Кокошина⁶ и директора ФСБ Николая Ковалева⁷) посетить Израиль *специально* для обсуждения иранской проблематики.

Порой израильтяне в Москве прибегали и к нестандартным приемам: если, например, двери МИД России для обсуждения, как им казалось, срочного вопроса оказывались закрыты, они действовали через определенных влиятельных представителей российских финансовых групп, благодаря чему двери им открывались сразу в Кремль⁸. При том всегда как-то так получалось, что Москва оказывалась в роли если не обвиняемой, то по

крайней мере, защищающейся стороны, что в конечном счете, вряд ли оказалось продуктивно для двустороннего диалога.

К лету с.г. руководство Израиля оказалось в сложной внешнеполитической ситуации. *Во-первых*, потерпела провал попытка премьер-министра Нетаньяху изменить границы Иерусалима и одновременно стало ясно, что палестинско-израильский диалог оказался по сути заморожен⁹; шаги премьера в отношении палестинцев вызвали отнюдь не однозначную реакцию в самом Израиле, где многие возлагали надежды на развитие мирного процесса. *Во-вторых*, Израилю не удалось использовать свои рычаги давления, чтобы оставить открытым *ядерное досье* Ирака, и МАГАТЭ при активной поддержке России и Франции практически было готово закрыть его¹⁰. *В-третьих*, Иран активно готовился к испытаниям ракеты *Шихаб-3* и в июле успешно провел их; Соединенные Штаты при этом продолжали искать (правда, осторожно) пути установления взаимодействия с режимом Хатами, а администрация Клинтона более чем прохладно отнеслась к пролоббированному Израилем и одобренному Конгрессом законопроект, согласно которому должны были вводиться санкции, в частности, против российских компаний, подозреваемых в ракетном экспорте в Иран, и президент отклонил закон. Наконец, *в-четвертых*, проведение ядерных испытаний в Индии в мае с.г. подтолкнуло к аналогичному шагу Пакистан, а дальше – по принципу домино процесс утверждения своего де-факто ядерного статуса может, как убеждены некоторые аналитики Израиля, уже в среднесрочной перспективе увлечь некоторые другие государства Ближнего и Среднего Востока.

Помимо этого лето с.г. преподнесло правительству Нетаньяху неприятный сюрприз и дома. За потоком обвинений со стороны Израиля в адрес России по поводу ее якобы активного ракетного сотрудничества с Ираном почти что затерялось сообщение об одном судебном процессе в Тель-Авиве. Израильский предприниматель Наум Манбар был обвинен судом ни больше ни меньше как в «...помощи враждебному государству с целью нанести урон безопасности Израиля путем продажи ему отравляющих веществ и компонентов для производства химического оружия» и осужден на 16 лет тюрьмы. И этим *враждебным государством* оказался Иран. Суть дела, которое взял под личный контроль премьер-министр Нетаньяху, заключается в

том, что Наум Манбар продал Ирану материалы для производства нервно-паралитического газа, а также для строительства завода по производству химического оружия на общую сумму 16 млн долл. Манбар был тайно арестован в мае 1997 года, когда вернулся из Франции, где некоторое время проживал. Хотя суд шел за закрытыми дверями, некоторые детали все-таки просочились. Так, Манбар, отрицая вину, что *работал на враждебное государство* (а в Израиле считается, что Иран находится в состоянии войны с Израилем), заявил, что согласовывал все продажи с израильской Службой общей безопасности [*Шинбет*¹¹]: «Если виновен я, то значит виновны по крайней мере, еще двести человек: [...] директора заводов, промышленники...»¹². По версии защиты, Манбар оказался посредником в игре между израильскими и иранскими спецслужбами.

Как бы то ни было, подтверждено, что Манбар неоднократно встречался в Европе с руководителем иранского проекта по созданию химического оружия, в результате чего 24 грузовика с компонентами для производства ХО общим весом 150 т покинули *одну из стран Европы* (вероятнее всего, Польшу) и в конечном итоге оказались в Иране¹³. Главным свидетелем обвинения стал гражданин Польши¹⁴. Судя по всему, в 1993 году представители спецслужб дали знать Манбару, что контакты с Ираном пора сворачивать, а в июле 1994 года госдепартамент США объявил о том, что две принадлежащие Манбару компании нарушили экспортно-контрольное законодательство США, а вскоре ЦРУ предоставило израильским коллегам новую информацию о противозаконной деятельности Манбара и его связях с Ираном.

Так до конца и неясно, вел ли Манбар двойную игру или же его просто подставили израильские спецслужбы, которые, как некоторые подозревают, хотели через Манбара вытащить деньги из иранского бюджета, установить потребности Ирана в компонентах ХО, но так ничего и не продать. Однако известно, что на ход дела оказали воздействие пресс-секретарь премьер-министра Шай Базак и, не исключено, сам Биньямин Нетаньяху¹⁵.

В этих условиях премьер-министр предпочел продолжать активно разыгрывать *российскую карту*. На встрече с ним во время конференции некоторые представители

Гарварда настойчиво проводили мысль, что Россия продолжает оставаться основным источником бесконтрольных утечек материалов для ОМУ и средств его доставки. Нетаньяху охотно воспринял эту мысль и развил ее: «Что мне нравилось в коммунистическом Советском Союзе, так это только две вещи: *во-первых*, что он дал нам [Израиллю] миллион талантливых людей [бежавших из СССР], и, *во-вторых*, что там умели хорошо защищать свое оружие массового уничтожения от несанкционированного доступа. [...] Если вы [Россия] хотите достичь реформ, то прекратите производить ракеты. [...] Мы стараемся убедить Россию прекратить направлять поток [ракетных] технологий в Иран. [Мы надеемся, что] эта мысль нашими российскими собеседниками понята и не сомневаемся, что наша миссия важна»¹⁶.

Нетаньяху не согласился ни с тем, что российские ракетные компоненты не достигли Ирана, ни с тем, что попытки незаконных поставок стали следствием политики отдельных предприятий, но не государственных решений, ни с тем, что военная ядерная программа Ирана находится на низкой ступени развития. Израильский премьер болезненно отреагировал на комментарий американского ученого о возможности скорой нормализации отношений между Ираном и США, заявив, что можно, конечно, надеяться на смену режима в Иране и в результате этого на сближение его с США, но что, скорее всего, Иран разработает свое ОМУ куда раньше¹⁷; Соединенные Штаты же, по мнению премьера, должны вместо налаживания контактов с Ираном, запустить больше разведывательных спутников, чтобы адекватно отслеживать ситуацию, а не *проморгать* ее изменение, как в случае с индийскими ядерными испытаниями.

Нетаньяху не согласился с тем, что значительную роль в распространении критических технологий играет Китай, отметив, что «...именно Россия является основным источником распространения [критических] технологий». Наконец, премьер назвал стремление некоторых государств полностью закрыть иракское *ядерное досье* «...полным безумием». Говоря о роли Израиля в регионе и в обеспечении международной безопасности, Нетаньяху сделал акцент на том, что «мирный процесс и укрепление обороноспособности [Израиля] тесно связаны» и что его задача, как руководителя

государства, облегчается тем, что «занимая лишь 25-е место в мире по уровню экономического развития, Израиль имеет пятую по численности армию мира, причем наша военная машина должна быть охарактеризована как крайне высокотехнологичная».

В то время как комментарии премьер-министра Израиля отличались высокой степенью политизированности, большинство сотрудников министерства обороны, а также бывшие сотрудники разведсообщества Израиля, с которыми удалось встретиться в рамках конференции, производили впечатление хорошо информированных и высокоэрудированных людей, аккуратно выстраивающих причинно-следственные связи, не спешащих со скоропалительными выводами, хотя в силу существующих политических установок и пользующихся порой устоявшимися в Израиле клише.

По мнению генерала Давида Иври, помощника министра обороны по стратегическим вопросам, поступающая информация должна вызывать особое беспокойство по поводу неядерных программ Ирана, а именно ракетных, химических и биологических. Он высказал убеждение, что РКРТ гораздо менее эффективен, чем это принято считать, особенно в том, что касается создания ракет класса *земля-земля*: ряд государств, как, например, Северная Корея, способны пройти этот путь практически самостоятельно или же с минимальной помощью извне. Он отметил, что военное планирование Израиля исходит именно из того предположения, что Иран сделает ставку на развитие подобных ракет, в том числе и в качестве компенсации за низкий уровень развития ВВС. Если ранее, по его словам, Иран делал ставку на нанесение удара сухопутными силами, то теперь, с учетом отсутствия общей границы с вероятным противником, ставка будет делаться именно на развитие ракет, способных нести химическое и в особенности биологическое оружие. Израиль отдает себе отчет в том, что в случае использования против него ракет малой дальности, у него просто не хватит времени на быстрый ответный удар, поэтому основная ставка должна делаться на развитие систем тактической ПРО, таких, как внедряемая *Thaad* или же подобная *C-300*. Программа *Arrow*, на 72 процента финансируемая США, по его словам, не столь дорогостоящая, и Израилю будет достаточно развернуть две батареи против Ирака и три батареи против Ирана.

Помимо этого, по словам генерала Иври, Израилю необходимо принять такие неотложные меры, как повсеместная раздача противогазов, а также вакцинация с учетом высокой вероятности применения противником БО.

Генерал Иври высказал широко распространенное среди военной элиты Израиля мнение, что «международные договоры хороши, но недостаточны, и порой могут являться лишь ослаблением демократических государств, если их подписание и соблюдение не сопровождается мерами по предупреждению агрессии со стороны недемократических государств, игнорирующих свои договорные обязательства». В этой связи была проведена параллель между сегодняшней ситуацией с Ираном и ситуацией с Ираком восьмидесятых годов, когда членство в ДНЯО не помешало режиму Багдада развивать свою военную ядерную программу.

Генерал Иври считает, что не в интересах России поддерживать развитие ракетных программ и программ ОМУ Ирана. Поэтому он убежден, что Россия изыскивает возможности по предотвращению утечек. Что же касается передачи критических технологий, то здесь, по словам генерала, ни Россия, ни другие государства не способны осуществить стопроцентно эффективный контроль и действительно препятствовать утечкам технологий.

Оценивая возможности Израиля по воздействию на иранскую программу ОМУ, помощник министра обороны Израиля признал, что Израиль рассматривает *замедление* военных программ Ирана как свою основную задачу на сегодняшний день, но при этом исходит из того, что *остановить* эти программы он не в состоянии, так же как и повлиять на смену правящего режима в Иране, «а замедлять мы будем, — мы не можем просто сидеть и ждать».

Отвечая на вопрос о недавних индийских ядерных испытаниях, генерал Иври подчеркнул, что спокойно смотрит на произошедшее и считает проведение испытаний полным правом Индии, «так как она никаких договорных обязательств не нарушала, в чем отличие индийской ситуации от иракской или северокорейской»¹⁸.

Генеральный секретарь министерства обороны Израиля Илан Биран принял нас в тель-

авивской штаб-квартире министерства, — именно это здание, как предполагалось, могло стать основной мишенью иракцев в 1990 году; и сегодня оно особенно надежно охраняется, хотя внешне это и не бросается в глаза.

Г-н Биран начал с того, что «предотвращение угроз и их сдерживание — это самый эффективный способ убеждения потенциального агрессора в бесполезности любой атаки на нашу крохотную малочисленную страну». В этой связи он вспомнил, как в 1981 году израильтяне, следуя доктрине Бегина, бомбили иракский центр Озирак: «Мы были рациональны, но мы не были агрессорами. Чтобы понять нашу правоту, потребовалось без малого десять лет [когда после войны в Заливе вскрылись иракские ядерные амбиции]. Сейчас мы также должны проводить политику сдерживания — теперь уже иранских баллистических ракет. И готовиться нам приходится тем более усердно, чем хуже Россия и Западная Европа контролируют экспорт своих ракетных технологий».

Далее Илан Биран сказал: «Мы не должны недооценивать российское участие в иранских [ракетных] программах: мы знаем, о чем говорим. У нас есть [...] факты. Кто-то говорит, будто российское правительство не знает, будто это только инициатива

предприятий; я вам скажу: российское правительство все знает, каждую деталь! Оно знает и о том, что российская помощь Ирану по созданию двигателей ракет [видимо, имеется в виду иранский проект *Шихаб-3*, а, возможно, также и *Шихаб-4*] ускоряет иранскую программу создания новой ракеты».

Присутствовавший при разговоре руководитель военной разведки министерства обороны Израиля кивнул: «Да, Ельцин в курсе, знает каждую деталь сотрудничества с Ираном. Знает и Примаков [на тот момент министр иностранных дел]. Мы надеялись бы на перемену в российской позиции в отношении ракетного сотрудничества с Ираном, потому что для нас со стороны Ирана исходит отнюдь не виртуальная угроза». Руководитель международного отдела министерства Рути Мор добавил: «Нам был бы важен не громкий официальный ответ России на наши тревоги, но неформальный и непубличный ответ».

При этом израильские собеседники признавали, что громкие официальные ответы из Москвы, конечно, тоже играют определенную роль в прояснении позиции России по вопросам контроля над экспортом. Так, не осталось незамеченным в Израиле майское заявление директора ФСБ¹⁹; но от России продолжали ожидать *большого*.

Таблица 1. Предприятия и организации, подпавшие под действие санкций США по подозрениям в связях с Ираном в нарушение РКРТ

Организация	Сведения
Главкосмос	Адрес — Москва Комментарий — Вся тяжесть санкций направлена против этой организации — коммерческого посредника РКА в международных проектах. Практически никакой покупатель, которому потребуется вывести свой спутник на орбиту, не сможет этого сделать, если Соединенные Штаты наложат эмбарго на ввоз высокотехнологичных компонентов спутников в Россию — все современные коммерческие спутники так или иначе включают узлы «Made in USA.»
Военно-механический институт (Балтийский государственный технический университет им. Д.Ф. Устинова)	Адрес — Санкт-Петербург Обвиняется — в подготовке иранских студентов, как утверждается, без предоставления доступа к секретным сведениям (что вполне понятно). Однако по настоянию ФСБ обучение было прекращено ²⁰ .
ГосНИИ приборостроения им. Тихомирова	Адрес — Жуковский Московской области Разрабатывает — приборы для ЗРК и системы управления оружием для самолетов. Обвиняется — в том, что специалисты НИИ нелегально выезжали в Иран через Таджикистан с поддельными визами ²¹ .
Завод им. Коминтерна	Адрес — Новосибирск Серийно производит — радиоэлектронное оборудование для ЗРК. Комментарий — Продукция завода имеет мало общего с радиоэлектроникой, применяемой в ракетах земля-земля. Обвиняется — в том, что специалисты завода нелегально выезжали в Иран через Таджикистан с поддельными визами.

Научно-производственный центр ИНОР	<p>Адрес – Москва Телефон – 265-70-02 Директор – Л.П. Хромова Разрабатывает – спецсплавы для космических аппаратов. Производственная база – возможно использование собственного металлургического оборудования. Заказчики – ЦСКБ (Самара), НПО им. Лавочкина и др. Дополнительная информация – расположен на арендуемых площадях²². Подозревается – в продаже 620 кг спецсплавов: заготовки из высокопрочной стали, три типа фольги толщиной 0,2 и 0,4 мм^{23,24}. НПЦ ИНОР, по данным <i>Washington Times</i>, является организатором поставок в адрес <i>Shahid Hemmat Industrial Group (SHIG)</i> вышеупомянутых спецсплавов собственного производства, лазерного оборудования из НИИ <i>Полюс</i>, зеркал и вольфрам-графитового материала разработки НИИ <i>Графит</i>²⁵. Как предполагает Bill Gertz, НПЦ ИНОР занимается поставками в Иран с 1996 года^{26,27,28}. Данных, относящихся к 1998 году, не обнаружено. Однако есть существенные расхождения в датах: различные источники называют в качестве даты заключения контракта 1996 год или сентябрь 1997 года. Весьма существенно то, что в 1994 году Президент России пообещал президенту США не поставлять в Иран обычные вооружения. Но уже в феврале-марте 1997 года в Москве состоялись переговоры между представителями российских экспортирующих организаций и иранского Министерства обороны относительно возможной продажи ЗРК С-300В и ПЗРК <i>Игла</i>. Это могло послужить иницирующим фактором для публикаций в израильской и американской прессе. Слишком часто встречаются организации, связанные с зенитными ракетами, в списке фирм, подозреваемых в продаже технологии баллистических ракет. Это наводит на мысли о том, что шквал публикаций может быть косвенно связан с российско-кипрской сделкой по С-300 ПМУ-1.</p>
Компания МОСО	<p>Единственная компания с таким названием в Москве (по состоянию на 1997 год, в 1998 году такой фирмы в Москве уже не обнаружено) Название – ИЧП Мхитаряна Д.Г. МОСО Юридический адрес – Москва, 103055, ул. Новолесная, д. 18, корп. 1 Директор – Мхитарян Д.Г. Телефон – 335-59-74 Фактический адрес – Москва, ул. Бултерова, д. 2, корп. 1, кв. 116 По фактическому адресу проживает – Гольц И.Я. Количество рабочих мест – 3 Вид деятельности – торгово-закупочная Расчетный счет – 103644674 в АБ <i>Глория банк</i> ОКПО – 36536176 Основана - 10 августа 1994 года²⁹. Обвиняется – в транспортировке стали от ИНОР в Иран через Республику Кипр³⁰.</p>
НИИ Графит	<p>Полное наименование – Государственный НИИ конструкционных материалов на основе графита Адрес – Москва, 111524, ул. Электродная, д.2 Телефон – 176-13-06 Телекс – 412280 INKAR SU Директор – Костиков В.И. Зам. директора – Демин А.В. Разрабатывает – композитные материалы на основе графита для тормозных систем самолетов ВВС РФ; тормозов, покрытия носового отсека и ведущих кромок крыльев космического корабля <i>Буран</i>; лазерных зеркал, неподвижных частей газотурбинных двигателей; графитовые электроды для цветной металлургии (электролизное производство). Материалы – углеволокно, графитовое волокно, графит-графитовые композиты, композиты с керамической, металлической или полимерной основой. Производственные мощности – расположен вместе с Московским электродным заводом. Ключевая технология – химическое осаждение из паров. Международные проекты – с Южной Кореей и США³¹. Обвиняется – в поставке в Иран через Австрию графитовых композитных материалов (см. данные по МОСО и НПЦ ИНОР)³².</p>
НИИ Полюс	<p>Адрес – Москва, 117342, ул. Введенского, д. 3 Телефон – 330-0365, 333-0389 Факс – 333-0256³³ Основан – в 1962 году Директор – проф. Владимир Курятов Разрабатывает – лазерную технику. Обвиняется – в поставках лазерных гироскопов в Иран. Комментарий – Производимые гироскопы И-42-1С действительно поставлялись в Иран в 1995-1997 годах. Однако они предназначены для гражданских авиалайнеров, а применение их на баллистических ракетах требует значительных вложений средств и времени (хотя и возможно). Если лазерные гироскопы будут интегрированы в систему наведения ракет, то это будет означать, что страна-производитель в своей военной доктрине делает ставку на нанесение ракетно-ядерного удара первой либо готовится к обмену ракетными ударами без применения ядерного оружия, так как оптические элементы лазерного гироскопа испытывают воздействие ионизирующего излучения, что отрицательно сказывается на их работоспособности³⁴.</p>

Компания <i>Европалас-2000</i>	Достоверно известно, что эта компания в Москве не зарегистрирована. Однако Bureau of Export Administration Министерства торговли США, отвечающее за экспортный контроль, указало в своем черном списке именно Москву как местонахождение этой фирмы ³⁵ .
ОКБ <i>Факел</i>	<p>Адрес – Королев, 236001, Московский проспект, 181 Телефон – (01122) 46-19-64, 46-15-74, 46-16-16 Телекс – 262246 ZENIT SU, 262104 ZENIT SU Факс – (01122) 46-17-62</p> <p>Основан – в 1972 году (выделился из королевского ЦНИИМаш). Генеральный директор – Бобер А.С. Разрабатывает – электрические, ионные и гидразиновые двигатели малой тяги для КА. Международные проекты – совместное предприятие ISTI с Space Systems/Loral (США, производитель спутников) и НИИ прикладной механики. Нужными Ирану наработками в военной технологии в смысле РКРТ ОКБ Факел не владеет, если только Исламской Республике Иран не нужны двигатели ориентации для спутников военной связи (слишком дорого) и дистанционного зондирования Земли (только это для Ирана пока слишком далекая перспектива)³⁶.</p>

Источник: Алексей Рей. «Иранское дело: предприятия и организации, подозреваемые в поставках ракетных технологий в Иран». Серия «Доклады ПИР-Центра», №7. М., ПИР-Центр, 15 сентября 1998.

Бывший сотрудник израильской разведки, а ныне научный сотрудник Центра Джаффе Эфраим Кам – специалист по Ирану. Он отметил, что из Ирана поступает «противоречивая информация, ее много, но она подчас ненадежна. С иранской проблематикой очень трудно работать, когда находишься за пределами Ирана. У нас нет расхождений по поводу намерений Ирана, но есть серьезные расхождения в информации по поводу его возможностей и по поводу сроков производства ОМУ»³⁷.

По оценке эксперта, весьма совершенные системы доставки будут испытаны Ираном не позднее чем через два года, и остановить его ракетную программу, которая угрожает Израилю, уже нет никакой возможности. В то же время, по его мнению, еще не поздно остановить военную ядерную программу Ирана, *пробуксовывающую*, прежде всего, в силу организационных недостатков в Иране и порой элементарного беспорядка, а также из-за финансовых трудностей. Кроме того, важную роль могут сыграть и инспекторы МАГАТЭ.

Эфраим Кам высказал сомнения в том, что Иран примет политическое решение о полномасштабном развертывании военной ядерной программы. В то же время он исходит из того, что если такое решение, вопреки логике, будет принято, то США не будут обладать сколько-нибудь действенными инструментами по предотвращению создания в Иране ядерного потенциала, так как в Иране останется у власти фундаменталистский режим, пусть и более умеренный и более открытый для контактов с США³⁸.

Эксперт, однако, признал, что объективные потребности национальной безопасности Ирана подталкивают его к обладанию

ядерным оружием в качестве инструмента сдерживания. Главный противник Ирана в обозримом будущем – Ирак, и пока у Ирана нет гарантий в безъядерном статусе Ирака, он будет задумываться о своем собственном статусе. Противник номер два – Соединенные Штаты. Противник номер три – Израиль. Наконец, отношения Ирана с Россией традиционно строились на противоречиях и конфликтах и нет уверенности в том, что потепление последних лет является устойчивым и долговременным, и в Иране вынуждены исходить из этого.

В целом из бесед с представителями министерств обороны и иностранных дел Израиля, а также с экспертами можно было сделать следующие выводы:

Во-первых, в израильском военно-политическом истеблишменте существует консенсус по вопросу о приоритетности противодействия военным программам Ирана, и именно Иран рассматривается на ближайшие годы как главная угроза интересам и безопасности Израиля. Различия сводятся к характеристикам темпов и масштабов иранской ракетной, биологической, химической и ядерной программ.

Во-вторых, сохраняется озабоченность военными программами Ирака. Общепринято суждение, что, как только Спецкомиссия навсегда покинет Ирак, режим Саддама Хусейна неизбежно достанет из *запасников* свои наработки, прежде всего, по БО, но не в силу стремления противодействовать США и Израилю, а как ответ на развитие программ ОМУ в Иране – по-прежнему главным конкуренте Ирака.

В-третьих, программы Сирии и Ливии, равно как и других государств региона, кроме Ирана

и Ирака, в области ОМУ и средств доставки в настоящий момент не служат источником серьезной озабоченности Израиля и оцениваются как в основном *замороженные* или *закрытые*.

В-четвертых, Израиль скорее позитивно воспринял проведение Индией ядерных испытаний. С одной стороны, для Израиля это модель поведения государства, отказывающегося присоединиться к ДНЯО, не стесненного (как и Израиль) международно-правовыми обязательствами и при этом ведущего успешную дипломатическую игру. С другой стороны, известно традиционное сотрудничество Дели и Тель-Авива как минимум в сфере обмена информацией о ядерных программах исламских государств. В экспертных кругах также рассматривают вероятность существования между двумя государствами понимания в сфере предотвращения инцидентов на ядерных объектах и ошибочного принятия решений в сложных ситуациях, связанных с ракетно-ядерным комплексом.

Ответные испытания в Пакистане израильские аналитики оценивают как *слабый ответ* и не проявляют особой озабоченности ядерными амбициями Исламабада, считая, что пакистанская ядерная программа уже выдохлась политически и финансово.

В-пятых, Израиль придает исключительно большое значение поддержке его усилий по давлению на Россию, а также по замедлению военных программ Ирана и продолжению сковывания программ Ирака со стороны Соединенных Штатов. Особую роль в этом насыщенном диалоге играет Конгресс США³⁹. В то же время в правительстве Нетаньяху сильна досада на администрацию Клинтон, политика которой здесь рассматривается как вялая и недостаточно произраильская. Поэтому растет число тех, кто предпочитает в *особо чувствительных* вопросах действовать в обход американцев⁴⁰.

В-шестых, текущий год свел отношения между Израилем и Россией, с точки зрения большинства израильских военных и дипломатов, практически к двум словам: *Иран* и *ракеты*. В Иерусалиме и Тель-Авиве абсолютизируют получаемую развединформацию, на основании которой, как здесь считают, нужно *дадавливать Кремль в вопросе об Иране*⁴¹. Многие считают главным (и чуть ли не единственным) препятствием на пути такого *дадавливания*

Евгения Примакова. К такому обеднению израильско-русской политической повестки дня здесь в целом относятся спокойно: надо сначала решить острые вопросы с Ираном, а затем говорить об остальном⁴².

При этом нам понятно и то, что Россия объективно потеряла лидирующую роль в вопросах ближневосточного урегулирования, а начавшаяся смена поколений в арабском мире еще больше разрушает ее традиционные связи с регионом; в результате Россия и сама мало что может инициативно предложить Израилю в качестве «стратегической повестки дня».

В-седьмых, Израиль продолжает политику *двойных стандартов* в вопросах контроля над экспортом. Так, серьезная помощь, оказанная фирмами Германии Ираку, остается практически вне публичной критики, хотя об этих действиях, в том числе с участием немецких спецслужб, в Израиле хорошо осведомлены.

В-восьмых, многие политики в Израиле по-прежнему продолжают жить с — отчасти вполне объяснимым — менталитетом *окруженного гарнизона*⁴³, что порождает значительное сужение видения проблем международной безопасности в целом и нераспространения, в частности.

Одной из наиболее содержательных встреч в рамках конференции стала беседа с директором комиссии по ядерной энергии Израиля Гидеоном Франком. Это человек, который, возможно, лучше многих в Израиле осведомлен об истинных масштабах и характеристиках израильской ядерной программы, включая ее военную составляющую. Гидеон Франк, пожалуй, единственный из израильских высокопоставленных собеседников подробно говорил о глобальных, прежде всего правовых, проблемах распространения ядерного оружия. По его мнению, отражающему израильскую официальную позицию, ДНЯО — договор, хороший для Европы или Северной Америки, может быть, теперь также и для Латинской Америки, — то есть для тех регионов, где у власти утвердились ответственные демократически избранные правительства, для которых буква международных договоров свята. Но это договор, однозначно негодный для тех регионов мира, где у власти пребывают авторитарные и безответственные правительства, которые либо открыто игнорируют ими же подписанные

международные обязательства, либо втайне играют в прятки с международным сообществом. Г-н Франк особо привел пример Ирака как наиболее точно отражающий слабость и изъяны ДНЯО, а также слабость контрольных режимов МАГАТЭ: «Принятые международные требования верификации недостаточны для ближневосточных условий». В этом контексте, по словам г-на Франка, выходом могли бы стать взаимные двусторонние договоренности о верификации по примеру «Россия – США», а также создание зоны, свободной от ОМУ (ЗСОМУ), на Ближнем Востоке⁴⁴. При этом Гидеон Франк, как и другие израильские собеседники, указывал, что в нынешних условиях невозможно вычленить *ядерно-оружейный* аспект из всей военно-политической ситуации на Ближнем Востоке, особенно в связи с тем, что государства региона, которые Израиль рассматривает как своих основных противников (Иран, Ирак и Сирия), а также и некоторые другие государства, расположенные на Ближнем и Среднем Востоке, далеко продвинулись в разработке химического и биологического оружия, в то время как Израиль присоединился в Конвенции о запрещении химического оружия (КХО). Он считает, что разблокирование идеи создания ЗСОМУ на Ближнем Востоке вполне возможно, но для этого надо двигаться постепенно: начать с более легкого, а именно с установления мер доверия; затем следует расширить контакты и обмены информацией и экспертами; после чего можно подойти к разграничению конвенциональных и неконвенциональных проблем и попытаться поставить вопросы жесткой верификации на региональном уровне, используя международный опыт, прежде всего накопленный Аргентиной и Бразилией. Рассмотрение вопросов ЗСОМУ должно включать также запрещение производства расщепляющихся материалов для военных целей.

Гидеон Франк обратил внимание на то, что Израиль поставил свою подпись под Договором о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) и в настоящее время детально изучает механизмы верификации, установленные Договором. При этом руководитель израильской ядерной комиссии не стал отрицать, что у Израиля просто нет необходимости в проведении

собственных ядерных испытаний⁴⁵, в частности, в связи со значительными успехами в компьютерном моделировании.

Г-н Франк, так же как и другие собеседники, с тревогой говорил об иранских военных программах, особенно в области средств доставки. Что касается оценки масштабов нынешней иранской военной ядерной программы, то собеседник воздержался от комментария, однако сказал, что его информация вынуждает его разделить призывы к России приостановить всякое ядерное сотрудничество с Ираном, включая строительство Бушерской АЭС, а к Ирану – подписать протокол в рамках программы МАГАТЭ «93+2». Он добавил, что поступающая из Ирана информация заставляет Израиль наращивать усилия по подготовке *как к пассивной, так и к активной обороне*. В то же время он скептически отнесся к спекуляциям вокруг так называемой *исламской ядерной бомбы*, заметив, что у него нет никаких оснований предполагать, что у Пакистана были или есть намерения делиться своими разработками с кем бы то ни было⁴⁶.

Беседа с г-ном Франком была детальной по всем вопросам, за исключением одного. Как и следовало ожидать, директор комиссии по ядерной энергии ничего не сказал о ядерном арсенале Израиля⁴⁷. А на вопрос одного из американских участников конференции: «Что на практике означает официальная израильская доктрина о *невведении первыми* ядерного оружия на Ближний Восток»⁴⁸ он ответил элегантно *домашней заготовкой*: «Я тут как-то на днях подумал: что же значит английское слово *introduce*, забрался в толковый Оксфордский словарь и...», после чего Гидеон Франк дал дюжину значений слова *introduce*.

Но это был чуть ли не самый полный ответ на вопрос об израильском ядерном оружии из тех, которые звучали от израильтян в ходе конференции. Обходили молчанием эту тему и коллеги из Гарварда, предпочитая закрыть разговор на том, что у *Израиля действительно особая ситуация*.

Таким образом, получилось, что разговор о нераспространении (применительно к России, Ирану, Ираку, Сирии, Ливии) активно, настойчиво, а иногда и навязчиво ведут

представители государства, которое само продолжает игнорировать основополагающие принципы ядерного нераспространения, отказывается даже заводить разговор о

присоединении к ДНЯО и все ядерные объекты которого (за исключением одного) не охвачены гарантиями МАГАТЭ (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Ядерная инфраструктура Израиля

Название объекта ⁴⁹	Характеристики	Гарантии МАГАТЭ ⁵⁰
Исследовательские реакторы		
ИРР 1, Нахал Сорек	Легководный; ВОВ; 5 мВт; действующий	Да
ИРР 2, Димона	Тяжеловодный; природный уран; 70(?), 150(?) мВт – имеющиеся данные сильно различаются; действующий	Нет
Обогащение урана		
Димона	Экспериментальные (пилотные) программы по центрифужному и лазерному обогащению; действующие	Нет
Переработка (извлечение плутония)		
Димона	Действует	Нет
Нахал Сорек	Пилотная установка; действует	Нет
Урановое производство		
Пустыня Негев, вблизи Беэршеба	Добыча фосфата урана; действует	-
Хайфа	Желтый спек; производится на двух фосфатных предприятиях; действует	-
Южный Израиль	Желтый спек; производится на фосфатном предприятии; действует	-
Димона	Очистка урана (UO ₂); действует	Нет
Димона	Химическая конверсия урана (UF ₆); действует	Нет
Димона	Действующий объект по производству топлива	Нет
Производство тяжелой воды		
Реховот	Пилотная действующая установка	Нет
Тритий, дейтерид лития		
Димона	Производство лития-6, позволяет производить дейтерид лития и тритий; в настоящее время для военного производства не используется	Нет

Источник: Leonard S. Spector, Mark G. McDonough. *Tracking Nuclear Proliferation. Carnegie Endowment for International Peace, W., 1995, p.139.*

На конференции в Херцлии израильские, прежде всего официальные, представители много говорили о том, что Россия преувеличивает роль ядерного оружия в современном мире, *топит* ратификацию СНВ-2, возможно, планирует развивать ТЯО... Мы в *Ядерном Контроле* сами об этом много писали и озабочены некоторыми тенденциями. Но израильтяне ни разу даже не заговорили о своем намерении подключиться к глобальному процессу сокращения ядерных вооружений, словно это не Израиль, а другое государство, обладает как минимум пятым, а не исключено, что и третьим⁵¹ в мире по численности ядерным арсеналом. Как заклинание, повторялась лишь фраза об *исключительно региональной направленности* израильских ОМУ и средств его доставки. Но даже в

молчании по поводу размеров израильской военной ядерной программы угадывалось желание подчеркнуть мощь израильского ядерного щита, может быть, даже молчаливо согласиться с заведомыми преувеличениями; возможно, с этой же целью в Израиле активизировались разговоры о том, чтобы выпустить на волю Мордехая Вануну⁵², который первым публично рассказал о ядерном потенциале пустыни Негев⁵³, и чьи откровения сейчас могут выполнить роль устрашения врагов Израиля.

Каких-либо изменений в ядерной политике Израиля за последние годы заметно не было⁵⁴, и большинство израильских политиков и представителей науки сходятся на том, что в ближайшем будущем нет необходимости в

каких-либо изменениях, скажем, в отказе от двойственности и неопределенности официальных заявлений⁵⁵.

Еще больше на конференции в Херцлии израильтяне говорили о неспособности России эффективно контролировать утечку ядерных и ракетных материалов и технологий, о том, что это прямой путь к превращению угрозы ядерного терроризма из мифа в реальность. Пожалуй, в комментариях было много правды. Не было сказано израильтянами о гарантиях, что израильский ядерный арсенал, расположенный в регионе, напичканном террористическими движениями и группами самого радикального толка, застрахован от превращения в объект шантажа. Конечно, можно сказать, что секретность и отсутствие любой информации – лучшая гарантия от несанкционированного доступа; но не верится, чтобы в стране, где экстремисты смогли осуществить успешное покушение на первое лицо государства, вообще могут существовать такие *абсолютные* гарантии.

Не секрет, что израильтяне, может быть, больше, чем другие неофициальные обладатели ядерного оружия и пороговые страны, занимались хищениями для развития собственной ядерной программы⁵⁶. Теперь гордящимся своим шпионским профессионализмом похитителям ядерных технологий, видимо, повсюду мерещатся такие же похитители, как они сами.

Никак не среагировали израильские официальные лица, на словах столь озабоченные несовершенством российской системы экспортного контроля, на вопрос, почему, собственно, в то время как Соединенные Штаты, Великобритания, Норвегия, Нидерланды, Япония пытаются внести хотя бы какой-то (подчас весомый) финансовый вклад в укрепление российской системы экспортного контроля, повышение качества учета и контроля ядерных материалов, Израиль не проявляет к такой помощи никакого интереса. Ведь не случайно, кажется, в Вашингтоне, да и в ряде европейских столиц, уже достаточно давно поняли, что такая помощь – прежде всего прямой вклад в укрепление собственной безопасности. В Тель-Авиве, вероятно, считают, что куда дешевле идти по пути индивидуальных бесед с отдельными политиками в Москве; вот только всегда ли этот путь более эффективен?

Представляется досадным, что в Израиле продолжают игнорировать сам факт существования резолюции по Ближнему Востоку, принятой консенсусом на конференции 1995 года по продлению ДНЯО. Напомним ее основные положения:

Во-первых, это важность создания на Ближнем Востоке ЗСОМУ.

Во-вторых, это присоединение к ДНЯО всех без исключения государств, расположенных в регионе.

В-третьих, это принятие «имеющего обязательную юридическую силу международного обязательства не применять ядерное оружие или взрывные устройства».

В-четвертых, это принятие полномасштабных гарантий МАГАТЭ в отношении всей своей ядерной деятельности⁵⁷.

Юридически у Израиля есть все основания *не знать* и *не думать* про эту резолюцию: Израиль не член ДНЯО и не собирается им становиться, его представители были на конференции 1995 года лишь в качестве наблюдателей. Однако реальность такова: если израильское руководство всерьез задумывается над достижением стабильности в регионе, нераспространением ОМУ и средств его доставки, то оно вынуждено исходить из того очевидного факта, что Иран, ряд арабских государств согласились во время конференции 1995 года на игру по правилам, навязанным *ядерным клубом*, только при условии принятия действенной резолюции по Ближнему Востоку в *большом пакете* с основными документами, включая решение о бессрочном продлении. Ядерные государства, прежде всего Соединенные Штаты и Россия, дали свои обязательства способствовать универсализации ДНЯО, прежде всего в том, что касается присоединения Израиля. И чем ближе конференция 2000 года по рассмотрению действия ДНЯО, тем больше оснований у Ирана, Сирии или других стран региона задать вопрос: как выполняется принятая резолюция? И если она не выполняется, есть ли смысл в сохранении тех обязательств, включая гарантии МАГАТЭ, которые на себя эти государства-члены ДНЯО принимают? Думается, ни у России, ни у Соединенных Штатов (которые столь активно боролись за смягчение формулировок в ближневосточной резолюции⁵⁸) не будет контраргументов.

Конечно, нельзя игнорировать сегодняшние ближневосточные реалии, которые отчасти делают ядерную политику Израиля более объяснимой. Нельзя отрицать и того факта, что путь к созданию ЗСОМУ будет весьма долгим. Необходимо скрупулезно просчитать все его последствия в военной области, включая и изменение роли конвенционального оружия в регионе. Не можем поддержать тех суждений – с нашей точки зрения, наивных, – которые отказывают израильскому ядерному потенциалу и потенциалу ХО и БО его соседей в сдерживающей роли. Поэтому практическая работа по формированию ЗСОМУ на Ближнем Востоке должна начинаться с таких конкретных и понятных шагов, как транспарентность и установление мер доверия.

И все же мы не можем не согласиться с позицией крупнейшего российского специалиста в области ядерного нераспространения Роланда Тимербаева, который убежден, что «тихая политика Израиля в ядерной области и отказ от транспарентности [...] на деле прикрывают совершенно определенную линию на сохранение своей ядерной монополии в регионе»⁵⁹.

Лишь романтики могут ожидать от Израиля скорой готовности присоединиться к ДНЯО. Но не предпринимать никаких шагов, созвучных требованиям около ста семидесяти государств, выраженным в резолюции 1995 года, было бы недальновидно и в конечном счете безрассудно.

Нынешняя политика Израиля в области нераспространения обесценивает его же заявления об обеспокоенности рисками ядерного и ракетного распространения на Ближнем Востоке. □

¹ См.: *Ядерный Контроль*, № 4 (том 40), Июль - Август 1998, с.88-89

² См.: например, рецензию Томаса Пикеринга на книгу, выпущенную Г. Эллисоном и его коллегами, в настоящем номере *Ядерного Контроля* в разделе *Библиотека*.

³ Именно празднование 20-летия Центра Джаффэ стало формальным поводом для проведения конференции

⁴ Они приехали из Калифорнии специально на июньскую конференцию в Херцлию

⁵ Д-р Фельдман проработал в Центре Джаффэ под руководством Аарона Ярива 18 лет, затем перешел в Гарвардский университет. Он автор таких работ, как *Израильское ядерное сдерживание: стратегия для восьмидесятих*

(*Israeli Nuclear Deterrence: A Strategy for the 1980s*, New York, 1982) и *Будущее американо-израильского стратегического сотрудничества* (*The Future of U.S. - Israeli Strategic Cooperation*, Washington, 1996), а его недавняя монография *Ядерное оружие и контроль над вооружениями на Ближнем Востоке* (*Nuclear Weapons and Arms Control in the Middle East*, MIT Press, 1997) является наиболее полной и сбалансированной работой по данной проблеме.

⁶ См.: Леонид Фейглин. Израиль пригрозил России санкциями. *Коммерсант-Daily*, 12 августа 1998, с.3

⁷ См.: Николай Ковалев. Мы договорились с израильтянами о проведении совместных операций. *Новые Известия*, 17 июля 1998, с.1,7

⁸ В этой связи следует предположить, что кадровые изменения в сентябре, в частности, отставка заместителя главы администрации президента и его пресс-секретаря Сергея Ястржембского, а также удаление от власти – хотя, не исключено, и временное – некоторых олигархов (прежде всего, Владимира Гусинского), в сочетании с приходом на пост главы правительства Евгения Примакова, ослабляют возможности Израиля по лоббированию своих интересов в Кремле.

⁹ Настойчивые усилия США по разморозке этого процесса привели в конечном итоге к созыву палестинско-израильского саммита (при посредничестве США) лишь в октябре с.г.

¹⁰ Вероятно, усилия бывшего инспектора Спецкомиссии ООН по Ираку (UNSCOM) Скотта Риттера, публично заявившего в августе о существовании продвинутой подпольной ядерной программы Ирака, могут изменить расстановку сил. Не случайно в этой связи, что администрация США предъявила Риттеру обвинение в том, что он передавал полученную через UNSCOM информацию израильской разведке; судя по последним сообщениям, эти обвинения подтвердились. Подробнее см.: Barton Gellman. A Futile Game of Hide and Seek. *Washington Post*, 11 October 1998, p.A1; Barton Gellman. Arms Inspectors 'Shake the Tree'. *Washington Post*, 12 October 1998, p.A1

¹¹ Эта же служба вела предварительное следствие по его делу

¹² Manbar convicted of selling poison gas to Iran. *Jerusalem Post*. 18 June 1998, pp. 1,4

¹³ Ibid., p.4

¹⁴ Владимир Дунаев. Любовь и слезы суда израильского. *Русский Телеграф*, 17 июля 1998, с.8

¹⁵ там же

¹⁶ Один из высокопоставленных израильских чиновников так описал хронологию

израильско-американско-российского диалога по поводу ракетных программ Ирана: «Мы впервые засекли утечки ракетной техники из России в конце 1996 года. Сообщили американцам. Американцы нам в ответ: да о чем вы говорите, мы ничего не заметили. Завязался спор, в котором участвовали военные и гражданские лица. Обмен информацией занял несколько месяцев. А каждый упущенный месяц стоил дорого, мы дальнейших затяжек со стороны администрации [Клинтона] допустить не могли и где-то к началу лета 1997 года по своим каналам довели тревожившую нас и для нас неоспоримую информацию до Конгресса [США]. Там началось движение. В июне [того же года] в Колорадо Ельцин и Клинтон договорились назначить двух ответственных переговорщиков по Ирану: с российской стороны – Коптева, с американской – Визнера. В июле нас попросили [администрация Клинтона] не давить на Конгресс. Мы продолжили контакты с администрацией, но сдвигов не происходило, а между тем для нас ситуация в отношении Ирана стала ясной. Мы не были уверены в одном: знает ли об утечках технологий российское руководство. Нетаньяху поговорил с Ельциным. Ельцин все отрицал, сказал: покажите факты. Уже была осень 1997 года, а Соединенные Штаты, в частности, Мадлен Олбрайт, не хотели давить на Россию [по поводу ракетных утечек в Иран]. [В сентябре] мы в Израиле приняли решение действовать более энергично, потому что мы уже не могли терять ни месяца. Мы продолжили работать и с администрацией Клинтона, и с Конгрессом. Тогда активизировались Визнер и Галуччи [посол, представитель президента США, специалист по нераспространению]. Начиная с октября, мы почувствовали, что к выработке тактики подключились Клинтон и Гор. Было решено, что пора положить конец уже известным случаям и принять нормативные документы [наказывающие за утечки ракетных компонентов в Иран]. Конгресс стал проявлять нетерпение. В ноябре мы [вновь] решили, что должны действовать самостоятельно, и направили делегацию в Москву во главе со Щаранским. В январе [1998 года] администрация попросила Конгресс попреридержать законопроект о санкциях. Гор взялся активнее контактировать с правительством России. Мы также исходили из того, что у Конгресса есть выработанная повестка дня и что нельзя давить на него безгранично. Мы сочли, что Израиль все-таки должен уйти в тень и предоставить

возможность действовать Соединенным Штатам. В результате [хотя и после проволочек] действия США возымели успех. Частично Россия предприняла меры против своих компаний [уличенных в незаконной торговле с Ираном], причем часть этих мер была объявлена публично, другая – только по двусторонним каналам, и то, что мы знаем, нас обнадеживает. В то же время мы знаем и то, что активность не всех российских компаний в отношении Ирана прекращена».

¹⁷ См. в этой связи: Arieh O'Sullivan. Iran not yet ready to reconcile with Israel. *Jerusalem Post*, 18 June 1998, p.5

Любопытно было бы привести некоторые оценки, прозвучавшие в выступлении на конференции научного сотрудника Никсоновского центра (Вашингтон) Джеффри Кемпа – одного из наиболее прагматичных представителей американской политологической мысли в вопросе об отношениях между США и Ираном. (Важно отметить, что г-н Кемп имел возможность в этом году посетить Иран.): «Весной 1995 года американская политика *двойного сдерживания* в отношении Ирана и Ирака сменилась более жестким курсом. В начале 1997 года США попытались оказать давление на Европу с тем, чтобы там также повели себя максимально жестко в отношении Ирана; но уже через пять недель США поняли, что надо *отыгрывать назад*. С появлением на политической сцене умеренного президента Ирана Хатами американцы заметно сбавили напор, оценили они и ряд в целом благоприятных для развития отношений с США заявлений Хатами... Одновременно США сохраняли политику *военного сдерживания* Ирана, что удалось лишь частично – прежде всего на суше, а также в вопросе развития ОМУ. На море Иран продолжал активно продвигаться, но при этом нельзя не отметить, что иранские и американские подводные лодки в Заливе стали вести себя более вежливо в отношении друг друга, сообщать о взаимных передвижениях. [...] Усилия США по *политической* изоляции Ирана можно считать провалившимися: это стало ясно после того, как в ноябре 1997 года США организовали экономический саммит, который проигнорировала, среди прочих, Саудовская Аравия, которая в это же самое время приняла участие в саммите Организации исламская конференция в Иране, который стал большим успехом иранской дипломатии. Результат *экономического* давления США на Иран можно определить как частично успешный.

[...] Сегодня не внешняя политика, но экономические и демографические вопросы – главные для Ирана. В самое ближайшее время Иран должен вложить два миллиарда долларов в развитие месторождений и строительство нефтепроводов. За время после свержения шаха население страны удвоилось. В Иране два миллиона беженцев – самый высокий показатель в мире. При этом за последние годы значительно возрос уровень грамотности населения, сейчас он достигает 80%, и молодежь становится не просто активным участником социальной жизни, но еще и образованным слоем.

[...] Хатами понимает, что необходимо вести дело к снятию американских санкций, а это невозможно без признания Ираном Израиля. Хатами не готов пока пойти так далеко, разрушить таким образом одну из главных идеологических опор революции. Он и так напугал многих консерваторов у себя в стране. В то время как на стороне команды Хатами сейчас находится закон, на стороне его противников – пушки. В Иране может взречь нечто напоминающее *пражскую весну*, но тогда подавляться эта *весна* будет не танками, а интригами.

[...В области неконвенциональных вооружений] Иран проводит сегодня в целом прагматическую политику. [...] Обладая химическим оружием и быстро продвигаясь на пути к разработке военных биотехнологий, Иран вместе с тем, кажется, достаточно умен, чтобы избежать нарушений КХО. Еще в меньшей степени Иран заинтересован в нарушении ДНЯО.

Не надо демонизировать Иран. Наоборот, Израилю следовало бы подтолкнуть Конгресс США к более активной поддержке сотрудничества между Россией и США [в области нераспространения], а не разрушать это сотрудничество всякого рода сомнительными законопроектами).

Ср. вышеприведенную цитату с лейтмотивом выступления другого участника конференции, Роберта Блэквила из Гарварда: «Иран получит ядерное оружие через семьдесят лет, а эффективные средства доставки – уже через пару лет. Для США это будет вызов посерьезнее, чем Индия или Пакистан. Но никакой стратегии в отношении Ирана администрация Клинтона так и не выработала. Не вижу, на какой основе мы должны восстанавливать отношения с Ираном: пока он не прекратит поддерживать международный терроризм, это попросту невозможно».

¹⁸ Ср. с заявлением начальника международного отдела министерства обороны

Израиля Рути Мора о том, что «испытания Индией и Пакистаном ядерного оружия имеют негативные последствия, так как спровоцируют цепную реакцию в Азии, которая может вовлечь Иран, а он, следовательно, потянет за собой Ирак». Ср. также с высказыванием директора комиссии по ядерной энергии Израиля Гидеона Франка: «[Последние] события на Индостанском полуострове, безусловно, подталкивают развитие ядерных программ Ирана и, при ослаблении контроля со стороны Спецкомиссии ООН и МАГАТЭ, Ирака».

¹⁹ В нем, в частности, говорилось: «В интересах обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, а также соблюдения международных обязательств государства Федеральная служба безопасности России ведет постоянную целенаправленную работу в сфере контроля за нераспространением оружия массового уничтожения и средств его доставки. Эта деятельность направлена на предотвращение незаконного экспорта сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации и услуг, которые могут быть использованы при создании оружия массового уничтожения и средств их доставки. Нарушители международного режима контроля в этой области должны знать, что наказания, предусмотренные международно-правовой практикой и российским законодательством, будут применены к ним со всей строгостью. Статьями 188 и 189 Уголовного кодекса России за незаконный экспорт технологий, научно-технической информации и услуг, которые могут быть использованы при создании оружия массового уничтожения и средств его доставки, предусмотрено весьма суровое наказание – лишение свободы на срок от трех до семи лет. В случае таких нарушений, совершенных неоднократно или должностным лицом с использованием своего служебного положения, наказание будет еще более жестким – от 5 до 10 лет лишения свободы. Ни у кого не должно возникать сомнений, что практический опыт и традиции нашей Службы обеспечат надежную защиту национальных интересов России и эффективный контроль соблюдения принятых обязательств в области контроля за нераспространением оружия массового уничтожения и средств его доставки». (Центр общественных связей Федеральной службы безопасности Российской Федерации. 6 мая 1998.)

²⁰ 17 июня 1998 года. *Итар-Тасс*

²¹ *Itar Tass*, 13 July 1998. Security Service Cracks Down on Technology Exports. FBIS-SOV-98-174.

Cit. by <http://cns.miis.edu/pubs/other/9firms.html>, eds. Scott Parrish and Fred Wehling.

²² Министерство науки и технической политики России.

²³ Bill Gertz. Russia Sells Iran Missile Metals. *Washington Times*, 20 October 1997, pp. A1, A11

²⁴ Gordon, Michael R., Schmitt, Eric. Russia Fails to Intercept Missile Material Bound for Iran. *New York Times*, 25 April 1998

²⁵ Russia Is Assisting Iran's Missile Drive, Says USA. *Jane's Defence Weekly*, 01 October 1997, p. 3

²⁶ Bill Gertz. Russia Disregards Pledge to Curb Iran Missile Output. *Washington Times*, 22 May 1997, p. A3

²⁷ Bill Gertz. U.S. May Punish Russia For Iran Sales. *Washington Times*, 16 October 1997

²⁸ Bill Gertz. US, Israel Target Missile Aid To Iran. *Washington Times*, 13 September 1997, p. A5

²⁹ Соб. инф.

³⁰ Gordon, Michael R., Schmitt, Eric. Russia Fails to Intercept Missile Material Bound for Iran. *New York Times*, 25 April 1998

³¹ <http://www.fas.org/spp/civil/russia/niigrafit.htm>

³² Д. Каледин. *Новые Известия*, 17 июля 1998

³³ Справочник «Адрес Москва 1996/97», с.292

³⁴ Юрий Снегирев. Почтовый ящик из списка Клинтона. *Известия*, 20 августа 1998

³⁵ <http://www.bxa.doc.gov>

³⁶ <http://www.fas.org/spp/civil/russia/okbfakel.htm>

³⁷ Говоря об оценках иранской военной ядерной программы, большинство собеседников в Израиле исходит из того, что для создания ядерного оружия без посторонней помощи Тегерану нужно еще четыре-шесть лет. Эти оценки совпадают с американскими данными, приведенными в докладе республиканского большинства в Сенате: The Proliferation Primer. A Majority Report to the Subcommittee on International Security, Proliferation, and Federal Service. Committee of Governmental Affairs. U.S. Senate. January 1998, pp.17-30

См. также одну из наиболее серьезных недавних работ по данному вопросу: Andrew Koch and Jeanette Wolf. Iran's Nuclear Procurement Program: How Close to the Bomb? *Nonproliferation Review*. Fall 1997, Vol.5, No 1, pp.123-135

³⁸ Что касается возможности улучшения иранско-американских отношений, то следует обратить внимание, в частности, на заявление Мадлен Олбрайт о том, что Вашингтон готов «проложить дорогу к нормальным отношениям с Тегераном», которое она сделала в июне, выступая в Нью-Йорке в *Азиатском Обществе*. См.: Константин Эггерт.

Вашингтон отпускает былые грехи Тегерану. *Известия*, 19 июня 1998, с.3. Ср.: Elaine Sciolino. U.S. 'Behavior' Is Not Conducive to Talks, Iran Says. *International Herald Tribune*, 27-28 June 1998, p.2

³⁹ См.: Abraham Ben-Zvi. Strategic Partnership in Crisis: The American Jewish Community and Israel. *Strategic Assessment*, April 1998, Vol. 1, No 1, pp.5-7

⁴⁰ Ответное недовольство рядом внешнеполитических шагов Биньямина Нетаньяху, а также его откровенными попытками стравить администрацию и Конгресс усиливается в Соединенных Штатах. См.: Henry Seigman. Netanyahu Is Harming Israel's Alliance With America. *International Herald Tribune*. 28-29 March 1998, p.6. Примечательна программная статья в *Jerusalem Post*: Avinoam Bar-Yosef. Keeping the atmosphere positive, 19 June 1998, pp.1,6

⁴¹ Шай Фельдман оказывается в явном меньшинстве, когда предлагает израильской дипломатии следующие рекомендации по диалогу с Россией: «уважать российских лидеров и дипломатов», «избегать поддержки дискриминационных санкций», «вести себя деликатно, не забывая про российские национальные интересы», «инициировать [полномасштабный, не ограниченный иранской темой] стратегический диалог с Россией» (Shai Feldman. The Return of the Russian Bear. *Strategic Assessment*, April 1998, Vol.1, No 1, p.16)

⁴² Не исключено, что октябрьское назначение генерала Ариэля Шарона на пустовавший пост министра иностранных дел может способствовать некоторому оживлению двусторонних отношений, прежде всего в том, что касается экономического сотрудничества. Об этом свидетельствуют, в частности, состоявшиеся контакты нового министра с руководством *Газпрома*.

⁴³ Это выражение было использовано Геннадием Евстафьевым в статье более чем трехлетней давности: Геннадий Евстафьев. Дискуссия о будущем ядерного оружия только разворачивается. *Ядерный Контроль*. Июнь 1995, с.18-19. Сам автор так объясняет причины формирования этого менталитета и последствия его закрепления: «[...] Израиль] очутился в ядерном тупике и [...] ему надо поскорее из этого тупика выбираться. [...] Очевидность в том, что Израиль просто не может быть ядерным государством. Кроме того, Израиль должен отдавать себе отчет в том, что его обладание ядерным оружием может впоследствии негативно сказаться на переговорах о ликвидации других видов

оружия массового уничтожения в регионе, особенно химического оружия. Наверное, пути выхода Израиля из ядерного тупика могут быть различны. Возможно, вопрос о ликвидации Израилем своего ядерного потенциала следует решать в пакете с другими вопросами... Вместе с тем, Израиль не сможет долго отказываться от обсуждения ядерной проблемы. Израиль очень долго был изгоем в ООН. Его *прикрывали* там считанные государства. [...] Со временем ситуация начала меняться: Кэмп-Дэвид, договор с Иорданией, установление дипотношений с рядом стран. Эти шаги вывели Израиль на нормальное региональное существование. Сейчас осталось решить проблему с сирийцами и затем окончательно решить проблему ближневосточного урегулирования. [...] В Тель-Авиве растет понимание того, что Израиль оказался вне рамок глобального процесса, а ведь ни одному государству, находящемуся вне рамок главного потока международного процесса, еще не удавалось доказать свою правоту. Через компромиссы, через определенные жертвы государства в конце концов начинают включаться в этот поток.

Разве не впечатляет пример Южной Африки? Сколько лет она была в изоляции! Следует понимать, что и на закате режима апартеида отказаться от ядерного оружия было для нее очень трудным решением. Еще пару лет назад никто не мог и представить, что Южная Африка окажется в центре внимания на Конференции по ДНЯО, и не в качестве объекта критики, а как пример для подражания; что она станет изначальным автором одного из ключевых документов и примет самое активное участие в выработке других. Сумев переступить через свои амбиции, Южная Африка *красиво* вошла в международное сообщество, заслужив всеобщее уважение. Израиль же [...] продолжает жить (как, впрочем, и арабы) с менталитетом *окруженного гарнизона*. Там по-прежнему смотрят на мир сквозь бойницы. Наличие ядерного оружия – одно из проявлений этого менталитета. Тем более, что я совсем не понимаю, как израильские военные собираются это оружие в случае необходимости применять. [...] Американцы запустили такое словосочетание: *безответственный режим*. Не думаю, что израильские политики хотят, чтобы в скором времени с точки зрения большинства стран мира из-за упрямства в своей ядерной политике Израиль получил такое клеймо» (с.19)

⁴⁴ По данному вопросу см.: Роланд Тиммербаев. Насколько реально создание безъядерной зоны

на Ближнем Востоке? *Ядерный Контроль*, № 12, декабрь 1995, с.10-11

⁴⁵ Периодически в Израиле возникают подозрения (основанные прежде всего на информации, поступающей из Египта), что страна проводит маломощные ядерные испытания (испытания нейтронного оружия) в заливе Эйлат. Соответствующие запросы депутаты израильского парламента направляют в комиссию по ядерной энергии, откуда затем приходит опровержения. Последний раз такой депутатский запрос имел место по подозрению в проведении испытаний 28 мая (Liat Collins. MKs ask about nuclear testing in Gulf f Eilat. *Jerusalem Post*, 18 June 1998, p.4)

⁴⁶ Другие наши израильские собеседники также соглашались с тем, что Пакистан, создавший и испытывший собственное ядерное взрывное устройство, не будет выступать в роли распространителя ядерного оружия, или его компонентов, или знаний о нем, и что пакистанская военная ядерная программа плотно закрыта для доступа со стороны любых других государств. Вместе с тем известны и противоположные высказывания израильских официальных лиц, в частности: «В перспективе мы боимся, что пойдет движение в сторону *баланса террора* в регионе: *исламская бомба против еврейской бомбы*» (Judy Dempsey. N-tests raise Mideast stakes. *Financial Times*. 5 June 1998, p.7)

⁴⁷ В Докладе Службы внешней разведки России 1995 года говорится: «Израиль является страной, неофициально обладающей ядерным оружием. [...] Для наработки ядерного материала оружейной чистоты используются в первую очередь тяжеловодный реактор и установка для переработки облученного топлива. Они не находятся под гарантиями МАГАТЭ, хотя Израиль является членом этой международной организации. Их мощности достаточны для изготовления пяти - десяти ядерных боезарядов в год. Реактор мощностью 26 МВт введен в строй в 1963 году с помощью Франции и модернизирован в семидесятые годы. После увеличения его мощности до 75-150 МВт наработка плутония могла вырасти с 7-8 кг делящегося плутония в год до 20-40 кг. Установка для переработки облученного топлива создана примерно в 1960 году также при содействии французской фирмы. На ней можно получать от 15 до 40 кг делящегося плутония в год. Кроме того, запасы делящегося плутония могут быть увеличены с помощью тяжеловодного реактора мощностью 250 МВт на новой АЭС, о строительстве которой правительство официально объявило в 1984 году. При определенном режиме работы

реактор может давать, по оценкам, более 50 кг плутония в год.

Запасы урана в Израиле оцениваются достаточными для собственных нужд и даже экспорта примерно в течение 200 лет. Соединения урана могут выделяться на трех заводах по производству фосфорной кислоты в качестве сопутствующего продукта в объеме около 100 тонн в год. Для обогащения урана израильтяне еще в 1974 году запатентовали метод лазерного обогащения, а в 1978 году разработали еще более экономичный метод разделения изотопов урана, основанный на различии их магнитных свойств. По некоторым данным, Израиль участвовал и в проводимых в ЮАР *обогащательных разработках* по методу аэродинамического сопла. В совокупности на такой базе Израиль мог потенциально произвести в период 1970-1980 годов до 20 ядерных боезарядов, а к настоящему времени - от 100 до 200 боезарядов.

Более того, высокий научно-технический потенциал страны позволяет продолжить НИОКР в направлении совершенствования конструкции ЯО, в частности создания модификаций с повышенной радиацией и ускоренной ядерной реакцией. Нельзя исключать интерес Тель-Авива к разработке термоядерного оружия.

Имеющаяся информация позволяет выделить следующие наиболее важные объекты (с известной долей условности характеристик их основного назначения), которые являются компонентами военного ядерного потенциала страны:

- Сорек - центр научно-конструкторской разработки ЯО;
- Димона - завод по наработке оружейного плутония;
- Йодефат - объект по сборке и демонтажу ЯО;
- Кефар Зекхарья - ядерная ракетная база и склад атомных бомб;
- Эйлабан - склад тактического ядерного оружия». (с.45-46)

См. также: Shai Feldman. Nuclear Weapons and Arms Control in the Middle East, pp.43-46. Объекты военной ядерной программы Израиля обозначены на *Карте*

⁴⁸ «Israel will not be the first to introduce nuclear weapons in the Middle East»

⁴⁹ Известны намерения Израильской электрической корпорации по поиску зарубежной технологии для строительства АЭС в Шивта (пустыня Негев)

⁵⁰ МАГАТЭ приостановило техническую помощь Израилю в 1981 году после его атаки на иракский исследовательский реактор Озирак. Намерение МАГАТЭ возобновить

техническую помощь Израилю в соответствии с Уставом и целями Агентства было высказано 30 сентября 1994 года. См.: IAEA Restores Technical Assistance to Israel. *Reuters*, 30 September 1994

⁵¹ См.: Владимир Малеванный. «Разведывательное сообщество» Израиля. *Независимое Военное Обозрение*, 15-21 мая 1998, с.7. Большинство экспертов по Израилю вместе с тем не могут согласиться, что по численности ядерных боеголовок Израиль обогнал Великобританию и Францию.

⁵² Александр Шумилин. Арабы ставят на «исламскую бомбу». А Израиль напоминает о своем ядерном арсенале. *Коммерсант-Daily*, 4 июня 1998, с.4

⁵³ Inside Dimona, Israel's nuclear bomb factory. *Sunday Times*, 5 October 1986

⁵⁴ Ср. в этой связи спор между Джозефом Фитчетом (Joseph Fitchett. Israeli Reaction to Iran's Buildup is Heightening Fears in the Mideast. *International Herald Tribune*, 19 December 1997) и Эмили Ландау (Emily Landau. Change in Israeli Nuclear Policy? *Strategic Assessment*. April 1998, Vol. 1, No 1, pp.3-4)

⁵⁵ См., например: Emily Landau. *Op. cit.*, p.4

В то же время мы не считаем, что вся израильская политическая элита рассматривает стратегические вопросы одинаково. В данной статье отражены прежде всего результаты бесед с действующими официальными лицами; большинство из собеседников являются сторонниками позиции Биньямина Нетаньяху. Вместе с тем дискуссия в Израиле по стратегическим вопросам, включая и вопрос ядерной политики, идет, и подчас достаточно остро. Примечательна в этой связи точка зрения оппозиционной Партии труда: по словам ее военного эксперта Эфраима Снеха, Израилю, вместо того чтобы продолжать *давить* на Россию по поводу Ирана, необходимо прежде всего укреплять отношения с умеренными арабскими государствами, которые в конечном итоге выступают в роли буфера между Израилем, с одной стороны, и Ираном и Ираком, с другой; больше того, можно было бы пойти на то, чтобы укрыть эти умеренные государства израильским ядерным зонтиком. Нетаньяху же, сожалеет эксперт, «разрушает эти связи и может подтолкнуть умеренные арабские режимы к сближению с радикальными; он не видит, какой урон наносит израильской безопасности. Он не видит, как он привел Израиль к изоляции в то время, как арабы объединяются против нас» (Judy Dempsey. *N-tests raise Mideast stakes*, p.7). Отдельные голоса звучат в Кнессете - парламенте Израиля в

пользу присоединения Израиля к ДНЯО (Liat Collins. MKs ask about nuclear testing in Gulf of Eilat, p.4), однако преувеличивать вес таких взглядов при принятии решений нынешним израильским руководством нет оснований.

⁵⁶ По словам полковника СВР Владимира Карпова, «свой ядерный потенциал Израиль создал при помощи США. Разведчики *Моссада* попросту выкрали у друзей-американцев всю необходимую технологию еще при президенте Кеннеди. Несомненно, это была крупнейшая операция разведки Тель-Авива» (Владимир Малеванный. Цит. соч., с.7)

Детальный анализ становления военной ядерной программы Израиля и создания собственного ядерного арсенала содержится в только что вышедшей работе Авнера Коэна *Израиль и Бомба* (Avner Cohen. *Israel and the Bomb*. N.Y., Columbia University Press, 1998). Роль, которую сыграли Соединенные Штаты сначала в создании израильского ядерного потенциала, а потом и в попытках включить Израиль в международный режим нераспространения ядерного оружия, подробно описана в главах этой книги, которые воспроизведены в: Avner Cohen. *Israel and the Evolution of U.S. Nonproliferation Policy: the Critical Decade (1958-1968)*. *Nonproliferation Review*. Winter 1998. Vol.5 (Number 2), pp.1-19, особенно pp.5-7.

В Докладе СВР 1995 года говорится о более поздних операциях: «[...] в 1986 году в США было обнаружено исчезновение более 100 кг обогащенного урана на одном из заводов в штате Пенсильвания предположительно – в интересах Израиля. Тель-Авив признал факт незаконного вывоза им из США в начале восьмидесятых годов критронов – важного элемента в создании современных образцов ЯО» (с.45).

На разных этапах своей военной ядерной программы Израиль использовал помощь или похищал материалы также из Франции, ФРГ, Великобритании. Также часто упоминалось сотрудничество в ядерной области между Израилем и ЮАР, однако ряд серьезных аналитиков ставит под сомнение достоверность фактов о таком сотрудничестве (см., например: Shai Feldman. *Nuclear Weapons and Arms Control in the Middle East*, p.45).

⁵⁷ Резолюция по Ближнему Востоку. NPT/CONF.1995/L.8 (официальный русский перевод). *Ядерный Контроль*, №7, Июль 1995, с.18

По данному вопросу см. также: Сергей Кисляк. Россия выступила против того, чтобы расколоть конференцию на лагерь победителей

и горстку побежденных. *Ядерный Контроль*, №6, Июнь 1995, с.17

⁵⁸ Владимир Орлов. Как продлевали договор о нераспространении. *Ядерный Контроль*, №10, Октябрь 1995, с.22

⁵⁹ Роланд Гимербаев. Цит. соч., с.9